

© 1992 г. Гиндин Л.А.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ И "КАРТА ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ ПРАРОДИН ШЕСТИ НОСТРАТИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ" В.М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧА

Данная карта найдена в черновиках В.М. Иллич-Свитыча и опубликована в посмертном издании его "Опыта сравнения ностратических языков" [1, с. 45]. На ней индоевропейская прародина, как и прародины других ностратических языков, схематично обозначена в виде правильно затушеванной окружности, которая покрывает приблизительно территорию Карпат, Балканы, Элладу, Западную и Центральную-Западную Анатолию, т.е. области, находящиеся в Восточном Средиземноморье или тяготеющие к нему в культурно-историческом отношении. Это чрезвычайно оригинальное и, как мы увидим ниже, далеко обогнавшее свое время пространственное построение ставит, по меньшей мере, один глобальный вопрос, оставленный В.М. Иллич-Свитычем без ответа: каковы хронологические рамки предложенной им ареальной конфигурации индоевропейской прародины? Попытаемся восстановить ход мысли ученого.

1. Очевидно, что на карте помещены прародины праязыков—потомков ностратических языков и что эта картина на несколько тысячелетий отстоит от эпохи ностратического единства, датируемого А.Б. Долгопольским VIII тыс. до н.э. и располагаемого им в Передней и Южной Азии [2, с. 113]; ср. мнения Е.А. Хелимского: "Этот период отделен от нас не одним десятком тысячелетий, его ареалом был Южный Прикаспий" [3, с. 37] и В.А. Дыбо и В.А. Терентьева, считающих, что, по данным глоттохронологии, возраст ностратической макросистемы определяется около 15 тыс. лет, а с культурно-исторической точки зрения — более 11 тыс. лет, при этом "наиболее вероятной остается цифра 11—12 тыс. лет до н.э." [4, с. 14]. Что касается хронологии, то к выводу последних авторов присоединяется С.Е. Яхонтов, однако вопреки распространенному среди приверженцев ностратической гипотезы мнению о "центрально-азиатской" локализации ностратического единства он категорически отмечает, что "наиболее вероятной прародиной ностратических языков являются леса Южного Урала и соседних регионов (Поволжья и Западной Сибири)" [5, с. 16].

2. С другой стороны, построение Иллич-Свитыча явно относится ко времени до II тыс. до н.э., так как он не мог не учитывать общепринятую датировку появления греков в Элладе не ранее 1900 г. до н.э. (рубеж раннеэлладского и среднеэлладского периодов), а лувийцев — на противоположной стороне Эгейского моря в Западной Анатолии около 2500 г. до н.э. (рубеж Трои I/II).

3. На более грубую датировку индоевропейской прародины в очерченном регионе определенно указывает наличие на юге Балканского п-ова догреческого индоевропейского населения с высокой культурой, заселявшего, за исключением Эпира и других районов Северной Греции, территорию Эллады с Эгейскими островами на протяжении всего раннеэлладского периода (3100—1900 гг. до н.э.) [6]. Все сказанное не могло быть неизвестно В.М. Иллич-Свитычу.

Дополню изложенное воспоминанием об одном моем разговоре с ним, состоявшемся в Кабинете этимологического словаря славянских языков Института

русского языка приблизительно в 1965—1966 гг. При обсуждении проблемы индоевропейской прародины в связи с моей готовящейся монографией по догреческому субстрату [6] и его уже опубликованной знаменитой статьей по поводу индоевропейско-семитских языковых контактов [7] он, глядя на стенную физическую карту Балканского п-ова и Малой Азии, сказал: "А почему бы не поместить индоевропейскую прародину на Балканах и в примыкающих районах западной части Анатолии?" По контексту разговора можно определенно судить, что в тот момент В.И. Иллич-Свитычем владела мысль найти пространственное обоснование индоевропейско-семитским и индоевропейско-картвельским языковым связям (ср. пассаж в его рецензии на книгу Дж. Девото "Происхождение индоевропейцев", где говорится, что "материал, касающийся связей индоевропейского с неиндоевропейскими языками юго-западной Азии, может быть в настоящее время существенно расширен с учетом прежде всего материалов семитских и картвельских языков" [8, с. 387]).

Продолжая в последующие годы осмысливать проблемы хронологической и пространственной проекции индоевропейской прародины в абсолютном исчислении, я непреднамеренно и базируясь на совершенно иных основаниях пришел во многом к идентичным результатам. Поскольку для определения протоэтнического ареала индоевропейцев необходимы экстралингвистические, хорошо датируемые точки отсчета, то мною были избраны следующие моменты, находящиеся на пересечении междисциплинарных данных. 1) Практическая автохтонность эвентуально индоевропейской гидронимии на территории исторической Фракии (шире — юго-востоке Балкан) в совокупности с наблюдаемым археологами культурно-историческим континуитетом. 2) Существование довольно значительных фрако-лувийских топонимических связей, относящихся к преданатолийскому, европейскому периоду хетто-лувийцев; *terminus ante quem* — приход лувийцев в Трою II около 2500 г. до н.э. Четкая привязка фракийского компонента топонимического соответствия к территории Балкан позволяет постулировать протоареал лувийцев по соседству, на северо-востоке от фракийцев (специально см. [9, 10]). При этом следует учесть, что часть тождеств могла возникнуть в процессе движения лувийцев на северо-запад Анатолии (Троада и пр.) через территорию, занятую фракийцами, например, Езеро [11, с. 148 и сл.]. 3) Наличие в составе населения гомеровской Трои лувийцев, пережитком которых являются ликийцы Зелей, прослеживаемые по тексту "Илиады" [12]. 4) Диалектная расчлененность арийцев на индоариев и иранцев по крайней мере на рубеже IV—III тыс. до н.э., судя по уже анахронистическим индоарийским (не индоиранским) вкраплениям в хурритских и хеттских текстах XV—XIV вв., в то время как начало проникновения индоариев в Месопотамию и в сопредельные области к западу может датироваться по некоторым данным XVIII—XVII вв. до н.э. (подробно см. [13]).

Теперь попробуем представить в конкретных хронологических и географических параметрах динамическую картину периодов относительной стабилизации индоевропейской территориальной протоэтнической общности, чередующихся с периодами ее миграционного членения. Следует учитывать, что в акт консолидации этой общности в результате дивергентно-конвергентных процессов могли быть вовлечены, помимо собственно индоевропейского этнолингвистического ядра, этносы и языки отдаленно родственные, а также так называемые индоевропеоидные, возникшие под влиянием ареальных контактов.

В процессе становления исторически засвидетельствованных и.е. языков правомерно выделить, в известном приближении, три основных эпохи.

Первая — протоиндоевропейская, эпоха стабильного существования уже диалектно расчлененной индоевропейской общности, характеризующаяся территориальным единством составляющих ее этносов и длящаяся приблизительно с конца V тыс. вплоть до начала пространственной диффузии протоиндоевропейских этнолингвистических компонентов на рубеже IV—III тыс. до н.э. (конец

позднего халколита — начало фазы 26 раннебронзового века, согласно Дж. Мелларту [14]). На протяжении этой эпохи индоевропейский этнос следует расположить в пределах Балкан и примыкающих с северо-востока Причерноморских степях. При этом степные пространства обитания протоиндоевропейцев-скотоводов могли простирались до предгорий Кавказа.

Предлагаемые географические и хронологические параметры протозтнической общности индоевропейцев почти полностью совпадают с построениями Дж. Мэллори, поместившего протоиндоевропейский ареал периода 4500—2500 тыс. в причерноморско-прикаспийских степях (in the Pontic-Caspian [15, с. 196 и сл.]). К этому выводу он пришел, анализируя огромный археологический материал, с территории Юга России и Юго-Восточных Балкан, на фоне традиционных лингвистических построений, с учетом гипотезы Гимбутас об индоевропейцах как носителях курганный культуры [15, с. 186—221] (ниже об этом подробнее). Относительно "прародины" индоевропейцев на Балканах с примыкающими территориями Северного Причерноморья я уже высказывался неоднократно [9, с. 25; 16, с. 47 и сл.]. В указанном смысле весьма категорично мнение В.Ф. Лемана: "Очагом индоевропейцев в конце IV тыс. несомненно была Южная Россия" (разрядка моя. — Г.Л.) [17, с. 18]. В новой пространной работе, задуманной в "качестве рецензии на книгу Гамкрелидзе и Иванова" [18 (II), с. 21], Леман, критически рассмотрев изложенную в этой книге гипотезу о ближневосточной прародине индоевропейцев (у Лемана — в Малой Азии [18 (I), с. 23]) и принимая целиком возражения этой гипотезе со стороны И.М. Дьяконова, считает, что наиболее целесообразно "предположение о прародине ... охватывающей территорию от Карпат до области, лежащей к северу от Каспийского моря" в период "с V до III тыс. до н.э.". Более того, по мысли Лемана, такое предположение "позволяет объяснить наличие заимствований из семитского...", а также "дальнейшие контакты с картвелоязычным населением (с учетом более осторожной их интерпретации Дьяконовым)" [18 (I), с. 28]. Несколько ранее Дьяконов специально развернул сумму аргументов на "круглом столе" в поддержку гипотезы о прародине индоевропейцев строго в пределах Балкан (изложение см. [19, с. 222]; ср. его же высказывания о балкано-дунайском [20, с. 13] и о балкано-карпатском регионе в V—IV тыс. до н.э. [21 (I), с. 24]). Созвучные идеи недавно сформулировал О.Н. Трубачев, обосновывая "дунайско-северобалканскую концепцию индоевропейского протозтнического ареала" [21 (II)].

Согласно междисциплинарным исследованиям последнего времени, этот ареал, по всей вероятности, мог включать и область Троады периода Трои I (верхняя граница $\approx$ 3200/3000 гг. до н.э.), населенной протофракоидными племенами ([22; 15, с. 239 — особенно карта], ср. [23, 24]; некоторые нюансы ниже). Археологические данные последнего десятилетия позволяют предположить уже для первой половины IV — начала III тыс. до н.э. проникновение отдельных групп (ранних) протоиндоевропейцев на территорию Анатолии. В пользу такого предположения определенно высказался Дж. Мелларт [11, с. 135 и сл.], признавая возможность прихода хеттов в Восточную Анатолию около 2500 г. до н.э. или ранее (?) при опоре на работу Г. Штейнера [25], ср. также [26, 27].

Юг Балканского п-ова в это время был занят индоевропейским населением, этнически близким протофракийским племенным группам континентальных Балкан ([16, 28, 29 и др.], ср. [30, с. 281]; относительно прихода индоевропейского догреческого населения в Эгейду, на юг Балканского п-ова ср. [31, с. 121 и сл.] с синтезом различных суждений; ср. [32, с. 28 и сл.; 6]).

Таким образом, для описываемой эпохи вырисовывается определенный балкано-западноанатолийско-эгейский макроареал, которому на указанных хронологических срезах соответствует так называемая "контактная непрерывность" археологических культур и, соответственно, "единство системы взаимосвязанных материальных и духовных достижений" [23, с. 12 и сл.]. При всем этом данный

регион почти целиком динамически входит в недавно постулированную археологами Циркумпонтийскую зону ([23], ср. [33]), или провинцию [24], включающую, согласно Н.Я. Мерперту, территории вокруг Черного моря: Юго-Восточные Балканы, с прилегающими областями Карпат, степные районы Северного Причерноморья и Прикаспия, Кавказ, Анатолию, без центральных и юго-восточных районов [23, с. 28 и сл.]. Наиболее маркированным признаком Циркумпонтийской "культурно-исторической провинции", по мнению Е.Н. Черных, было единство "родственных металлургических и металлообрабатывающих очагов" [24, с. 22].

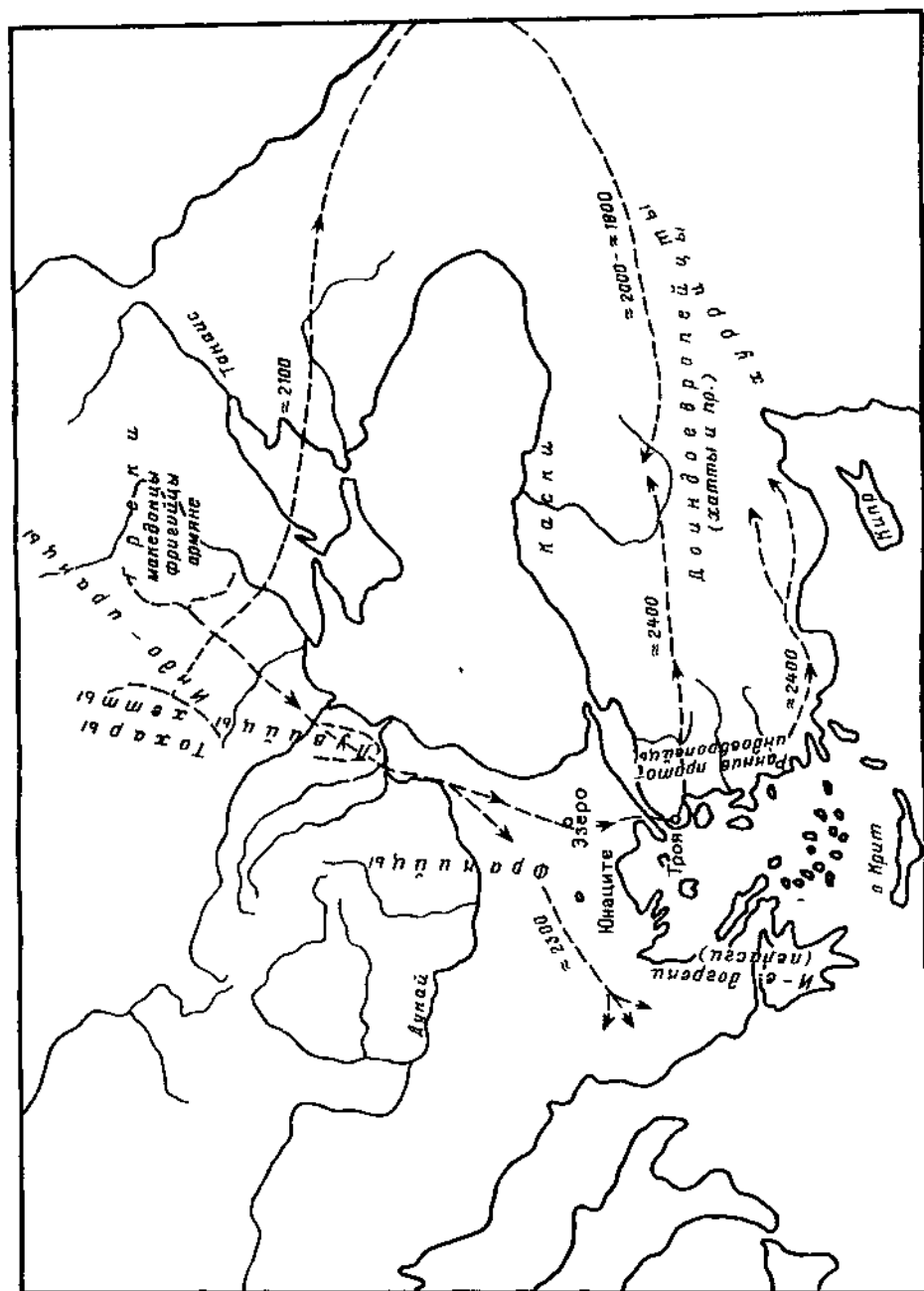
В свою очередь балкано-анатолийский ареал по обе стороны Мраморного моря являлся одновременно западной частью Циркумпонтийской макрозоны и восточной периферией Средиземноморья. Именно здесь, в этом регионе, где взаимно переплетались культурные изопрагмы, идущие с севера на юг и с запада на восток (соответственно наоборот), могла осуществиться культурно-историческая интеграция, приведшая в конечном счете к консолидации одного из очагов индоевропейской пракультуры и праязыка в результате хронологически разновременных дивергентно-конвергентных процессов (ср. [22]; о вероятности возникновения нескольких индоевропейских этнолингвистических протоареалов см. [24, с. 51]). Несомненно, эти процессы должны были затрагивать и диалекты языков разнородственных, например, догреческий индоевропейский и греческий, и совсем неродственных, например, хеттский и хаттский, и даже картвельский и семитский (о возможности контактов и.-е. языков на протоуровне с последними двумя см. [18 (I), с. 28]), оказавшихся в ареальных или субстратно-суперстратных отношениях, что и способствовало собственно языковому выравниванию и интеграции. (Ср. [23, с. 32] о процессе становления "конкретных групп индоевропейцев" со всем комплексом археологических и лингвистических показателей, связанных с контактной зоной "центрально-европейских, степных, балкано-дунайских, анатолийских культурных общностей".)

Распределение протоиндоевропейских этносов, имевших впоследствии прямое отношение к этому ареалу, см. на карте 1; на данной карте этнические обозначения европейской части условны и даны в исторической ретроспективе.

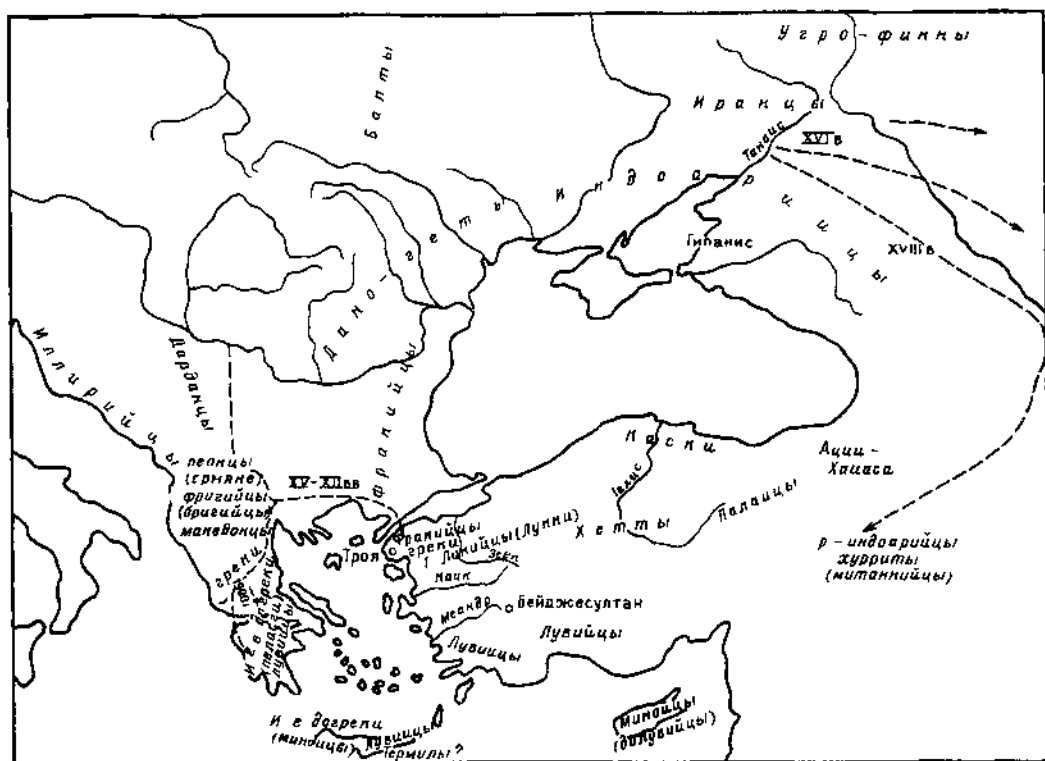
Вторая эпоха — прайндоевропейская, с начала III тыс. до рубежа III—II тыс. до н.э. (раннебронзовый век с начала фазы 2 до конца) — период распада индоевропейской этноязыковой общности и дальнейших последовательных миграций.

1. Первыми приходят в движение пралувийцы (собственно лувийцы, пракикийцы и пр.). Они распространяются по юго-восточной полосе Балкан, включая, вероятно, культуру Езеро [11, с. 149], на юг через проливы и Анатолию сначала в Троаду, разрушают Трою I (около 2500 г. до н.э.), населенную уже, видимо, прафракийцами, частично заселяют ее, а затем двигаются далее в юго-западные, южные и восточные области Анатолийского п-ова, неся повсеместно вплоть до Тарса и Киликии, включая долину Конь, огромные разрушения, смену населения и культуру Трои II. Это еще более утверждает единство балкано-(западно)-анатолийского ареала, начавшего складываться, как уже говорилось, еще в протоиндоевропейскую эпоху. Проследовавшая через Трою основная масса лувийцев оставляет в Троаде племена пракикийцев-зелейцев (собств. "лукийцев"), киликийцев Киллы и Подплакийских Фив и лелегов Педаса в виде анахронистических для гомеровских поэм этнических вкраплений [12, с. 55 и сл.]. Какие-то группы лувийцев продвигаются по Кикладам и другим Эгейским островам в Центральную и Южную Грецию (ср. ликийцы-термилы Крита, догреческие карийцы греческой традиции в метрополии и т.д.), составив так называемый хетто-лувийский суперстрат (по отношению к догреческому индоевропейскому) и греческий адстрат [6, *passim* с литературой; 34].

2. Уход пралувийцев открывает дорогу одним или двумя веками позже для движения основной массы прагреков вместе с близко родственными на этом

Краткi

Карта 2

уровне племенами прамакедонцев и прафригийцев и пеонцев (= протоармян) на юг Балканского п-ова — приблизительно территория Эпира и Древней Македонии, т.е. район современной северо-западной Греции и юг современной Югославии ([35, с. 19 и сл.; с 157 — корректурное дополнение; 36, с. 51 и сл.]; там же специально по поводу генетической близости древнемакедонского и фригийского языков в рамках протогреческого праязыка, вероятно, вплоть до особой индоевропейской ветви, о предполагаемом тождестве пеонцев, в том числе гомеровских, протоармянам см. [37; 38, с. 70 и сл.]). Направление движения этой "аугментной" греко-арийско-армянско-фригийской арсальной праиндоевропейской общности, видимо, географически фиксируется повторением гидронима "Аξίος — главная река области пеонов (район Дардано-Македонии и приток Истра в Нижней Мезии — совр. Добруджа), происходящего из и.-е. *q-ksej-no- (авест. *axšaena* "темный, черный", то же прилагательное в греческом названии Черного моря Εἰξείνος Πόντος — эвфемизм из старого "Αξείνος "черное"), причем главный приток Аксия носил название Ερίωυν (совр. *Црна река* "Черная река"), город при впадении Аксия в Истр — 'Αξι-όπα, болг. *Черна вода* (о пеонцах-протоармянах уже писал О.Н. Трубачев [21, с. 225—226]).

В свою очередь, на движение прагреков из Причерноморских степей, где названия трех самых больших рек: Τάναϊς — Дон, Δάναπρις — Днепр, Δάναστρις — Днестр образованы от и.-е. основы *don- (иран. [осет.] *don* "вода, река", ср. авест. *danu-* "река, поток", др.-инд. *danu* "сочащаяся жидкость", указывает, по мысли М. Сакеллариу [39, с. 172 и сл., с. 255 и сл.], распространение фактически по всей Греции, островам и Малой Азии элемента -δανος (в составе нескольких гидронимов) и гомеровский этноним Δάναοι с многочисленными

производными (к образованию этнонима ср. название скифского племени Δαυδάριοι, жившего на берегу Меотийского озера [40, с. 367]. Если это справедливо, то одна из упомянутых рек — совр. *Дон*, согласно Сакелларию, в своем среднем и нижнем течении может служить восточным рубежом распространения прагреков в данный период. Для нас здесь особенно важен гидроним Ἀλῖβαιος, засвидетельствованный в Фессалии и Трое, который хорошо толкуется в качестве древнего типа сложения как "река-вода" (к первому элементу ср. др.-прусс. *ape* "река", *aris* "источник" и проч.); Ἰάρβαιος также отмечен в Греции и Малой Азии (Лидия) [41, с. 7; 42 с. 30]. Какая-то часть прагреков стала одним из основных этнических компонентов строителей Трои VI (1800—1300 гг. до н.э.) [43, с. 174], пришедших, как мне представляется, в северо-западную Анатолию вслед за пралувийцами (около 2400 г.). Движение этой ветви прагреков произошло, видимо, сразу после ухода пралувийцев и до начала движения основного массива прагреческого этноса на Балканский п-ов. Согласно авторитетной гипотезе К. Блегена, обе части прагреков появляются на восточной и западной стороне Эгейского моря одновременно, неся технику "сероминийских" сосудов и использование ездовой лошади. Эти две ветви на протяжении всего последующего периода не прекращают связей между собой. Исходные земли, откуда двинулись греки, Блеген явно склонен искать на Балканах (т.е. на юго-востоке Европы), полагая, что "дальнейшие исследования и раскопки на юге Балкан (in the lower Balkan) могут, однако, выявить новые свидетельства" [43, с. 145 и сл.]. Мелларт, в отличие от Блегена, до недавнего времени считал, что все греки вслед за лувийцами проследовали в северо-западную Анатолию и вытеснили лувийцев на Восток; последние, достигнув Бейджесултана (долина Меандра), уничтожают старую индоевропейскую цивилизацию и вводят новую культуру в Бейджесултане XII, внося "протосероминийскую" технику изготовления сосудов. Столкнувшись с встречным движением хеттов около 1900 г., распространявшихся из Прикаспийских степей через Кавказ, лувийцы начали откатываться в обратном направлении и вступили в новое соприкосновение с греками, населяющими Трою, которые переняли способ изготовления "сероминийской" посуды, зародившейся в Анатолии и в конце Трои V — начале Трои VI появившейся в Троаде. В Элладу греки уже пришли сушей и морем из северо-западной Анатолии ([32] и другие работы; критику см. [6, с. 20 и сл.]). В настоящее время Мелларт [11, с. 145] кардинально пересмотрел изложенную гипотезу. Отрицая датировку проникновения хеттов в Анатолию столь поздним временем (см. выше), он относит этот процесс к середине IV тыс. до н.э. Разрушения начала II тыс. до н.э. в Центральной Анатолии Мелларт связывает с движением некоей второй волны лувийцев с северо-запада Анатолии. Что же касается греков, то, по всей видимости, справедливо высказывание Дж. Каски: "В настоящий момент гипотеза К. Блегена о том, что народ той же самой культуры достиг Трои и греческого материка приблизительно одновременно, — более приемлема, чем любая другая" ([44, с. 437]; ср. [31, с. 122 и сл.]).

3. Перемещение прагреков и близких к ним генетически и ареально племен открывает путь хеттам (если придерживаться традиционной датировки их прихода в Анатолию), которые по Причерноморским степям и Кавказу, через Дербентский проход Прикаспия продвигаются в центральные районы Анатолии. После чего по всему Северному Причерноморью распространяются, вероятно, уже разделившиеся арийцы. Границу их с северо-востока обозначают общеарийские и порознь — индоарийские и иранские заимствования в угро-финских языках, располагавшихся в Волго-Окском междуречье и Прикамье, по крайней мере с IV—III тыс. до н.э. (суммарный перечень индоевропейских, в подавляющем числе индоиранских, заимствований в финно-угорских языках помещен в словаре Б. Коллиндера [45]; ср. исчерпывающее изложение А.И. Йоки [46]; более раннюю литературу по этому вопросу см. [1; 47, с. 154]; на диалектную классификацию арийских заимствований в угро-финских языках опирался В.И. Абаев в своей

инструктивной работе [48] по определению протоиндоиранского ареала в Юго-Восточной Европе).

Конкретное распределение праиндоевропейских этносов см. на карте 2.

Третья — историческая эпоха, с конца III — начала II тыс. по 1200 г до н.э. (с начала среднебронзового до конца позднебронзового века).

Лувийцы и хетты занимают все Анатолийское плато. Греки захватывают целиком Элладу с островами (Крит, Кипр, Киклады, Родос, Лемнос, Имброс и т.д.) и осуществляют процесс колонизации Западной Анатолии как в минойский, так и в микенский периоды (1450 г. — последняя четверть XIII в. до н.э.), отразившись в хеттских клинописных источниках под названием *Aḫḫijawā*. В русло этой колонизации укладывается и Троянская война [49, 50]. Фригийцы, мисийцы, вифинцы покидают свой праиндоевропейский ареал на юге Балкан и заселяют места исторического обитания в северо-западной части Малой Азии с последней трети II тыс. до эпохи "переселения народов" (XII в. до н.э.) включительно; после крушения Хеттского царства фригийцы расселяются по всей его территории (Великая Фригия); праармяне — в Хайасе (засвидетельствованы с начала XIV в. до н.э.). В западной Анатолии конституируются лувийцы [*Lu(w)ija*], хетты (*Hatti*), ликийцы (*Lukka*), карийцы (*Karkiša*), *Arzawa*, *Aššuwa* (греч. Ἀσία "Великая Лидия" — по Форреру), Троя (*Taruišša*), Илион (*Wiluša*). К сожалению, географическая реконструкция, произведенная по хеттским источникам с учетом данных греческой традиции, весьма приблизительна. Отдельные отряды индоариев, говоривших на каком-то раннеиндоарийском диалекте, засвидетельствованном в виде некоторого числа имен собственных, имен богов и двух десятков appellatивов в хурритских и хеттских текстах XV—XIV вв. до н.э., появляются в Междуречье в хурритском государстве Митанни; основная масса индоариев с середины II тыс. до н.э. или несколько раньше — в Пенджабе [13]. Все Северное Причерноморье безраздельно занято племенами иранской принадлежности с небольшими вкраплениями племенных реликтов индоариев, согласно П. Кречмеру ([51—53]; против с серьезными аргументами [54]) и О.Н. Трубачеву ([55, 56] и другие его работы).

Конкретное распределение исторических индоевропейских этносов см. на карте 3 (ср. карту 4).

*

Остается вопрос, каким образом согласовать изложенные выше идеи с гипотезой Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова о "ближневосточной прародине индоевропейцев" [57]. На наш взгляд, суть дела заключена в подходе к проблеме хронологии, проработке деталей миграций отдельных индоевропейских племен и, в известной мере, в различии теоретических предпосылок. Авторы упомянутого труда в ряде своих работ неоднократно датировали существование "первичной" прародины индоевропейцев "в пределах Восточной Анатолии, Южного Кавказа и Северной Месопотамии" с V по IV тыс. до н.э. включительно [57, с. 895; 58, с. 11; 59, с. 23 и сл.]. Именно здесь, по их мысли, индоевропейцы могли одновременно контактировать с семитскими и картвельскими языками. Соответственно, начало распада "индоевропейского праязыка", проявившееся в выделении "анатолийской общности", отнесено ими "к периоду не позднее IV тыс. и возможно значительно ранее" [57, с. 861]. Затем, "не позднее III тыс. произошло вычленение греко-армяно-арийской диалектной общности" [57, с. 863] и далее — относительно других индоевропейских диалектов — по убывающей хронологической шкале (пути миграций, согласно гипотезе Гамкрелидзе — Иванова, см. [57, с. 956—957] — карта-схема "перемещений древних индоевропейских диалектов").

Имеющееся противоречие можно в известной мере преодолеть, если углубить датировку обособленного существования гомогенного состояния одного из основных компонентов и.е. праязыка на тысячу лет, т.е. до рубежа VII—VI тыс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семитокамнитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь (б — к). М., 1971.
2. Долгопольский А.Б. Какие языки родственны европейским? // Наука и человечество. М., 1972.
3. Хелимский Е.А. Брод через реку времени // Знание — сила. 1973. № 10.
4. Дыбо В.А., Терентьев В.А. Ностратическая макросемья и проблема ее временной локализации // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тез. и докл. конф. Ч. 5: Проблемы изучения ностратической макросемьи языков. М., 1984.
5. Яхонтов С.Е. Прародина ностратических языков // Конференция. Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию со дня рождения В.А. Дыбо: Тез. докл. М., 1991.
6. Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967.
7. Иллич-Свитыч В.М. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964.
8. Иллич-Свитыч В.М. // Этимология. 1966. М., 1968. Реп. на кн.: Devoto G. Origini indeuropee.
9. Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София, 1981.
10. Solla G.R. // Ktavylos. 1990. Bd 35. S. 113—124. Реп. на кн.: Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан.
11. Mellaart J. Anatolia and the Indo-Europeans // JIES. 1981. 9. № 1—2.
12. Гиндин Л.А. Лувийцы в Трою (опыт лингвофилологического анализа) // ВЯ. 1990. № 1.
13. Гиндин Л.А. Некоторые ареальные характеристики хеттского. I // Этимология. 1970. М., 1972.
14. Mellaart J. Prehistory of Anatolia and its relations with the Balkans // Lethnogenèse des peuples balkaniques. Symposium international sur l'ethnogenèse des peuples balkaniques. Plovdiv, 23—28 avril 1969. Sofia, 1971.
15. Mallory J.P. In search of the Indo-Europeans. Language, archaeology and myth. L., 1989.
16. Гиндин Л.А. К проблеме генетической принадлежности "пеласского" догреческого слоя // ВЯ. 1971. № 1.
17. Леман В.П. Индоевропеистика сегодня // ВЯ. 1987. № 2.
18. Леман В.П. Новое в индоевропеистических исследованиях. I—II // ВЯ. 1991. № 4, 5.
19. Молчанов А.А. Симпозиум "Античная балканистика-5" // ВДИ. 1985. № 1.
20. Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. I—II. // ВДИ. 1982. № 3, 4.
21. Трубачев О.Н. Этногенез славян и индоевропейская проблема // Terra antiqua balcanica. VI. Материалы V Международного конгресса по фракологии. Москва, 18—22 октября 1988 г. София, 1991.
22. Gindin L.A. Les Thraces en Anatolie. A propos d'un origines foyers de la langue et de la culture indo-européennes dans la Méditerranée de l'est et les données paléobalkaniques et anatoliennes // I Symposium illyro-thrace. Tribus paléobalkaniques entre la Mer Adriatique et la Mer Noire de l'énéolithique jusqu'à l'époque hellénistique. Niš — Blagoevgrad, 30 mai — 4 juin, 1989. Sarajevo; Beograd, 1991.
23. Мерперт Н.Я. Об этнокультурной ситуации IV—III тысячелетий до н.э. в Циркумпонтийской зоне // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988.
24. Черных Е.Н. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988.
25. Steiner G. The role of the Hittites in Ancient Anatolia // JIES. 1981. V. 9. № 1—2.
26. Winn Shan M.M. Burial evidence and the Kurgan culture in Eastern Anatolia c. 3000 B.C.: An interpretation // JIES. 1981. V. 9. № 1—2.
27. Jakar J. The Indo-Europeans and their impact on Anatolian culture // JIES. 1981. V. 9. N 1—2.
28. Sakellariou M.B. Peuples préhelléniques d'origine indo-européenne. Athènes, 1977.
29. Sakellariou M.B. Les Thraces par rapport aux Pélasges et à certains ethnè grecs // Actes du deuxième Symposium International de Thracologie. Roma, 1980.
30. Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
31. Титов В.С. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. М., 1988.
32. Mellaart J. The end of the Early Bronze Age in Anatolia // American Journal of Archeology. 1958. V. 62. № 1.
33. Мерперт Н.Я. Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века // Античная балканистика. Симпозиум: Тез. докл. М., 1980.
34. Гиндин Л.А. Некоторые вопросы древнего балканского субстрата и адстрата // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976.
35. Гиндин Л.А. К вопросу о статусе языка древних македонцев // Античная балканистика. М., 1987.
36. Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Отражение индоевропейских лабиовелярных в древнемакедонском // ВЯ. 1991. № 2.

37. Гиндин Л.А. Из комментария к тексту "Илиады" (XXI, 139—213): *παίονες* (= праармяне) — союзники троянцев // Балканские чтения. I: Симпозиум по структуре текста: Тезисы и материалы. М., 1990.
38. Gindin L.A. Keteioi (=Hittites) and Paiones (=Proto-Armenians) — allies of Troy // *Orpheus. Journal of Indo-European, Palaeo-Balkan and Thracian studies*. Milan, 1990.
39. Sakellariou M.B. Les proto-grecs. Athènes, 1980.
40. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; JL., 1958.
41. Georgiev V.I. Die altgriechischen Flussnamen. Sofia, 1958.
42. Tischler J. Kleinasiatische Hydronymie. Wiesbaden, 1977.
43. Blegen C.W. Troy and the Trojans. N.Y., 1963.
44. Caskey J.K. Crises in the Minoan-Mycenaean world // *Proc. of the American Philosophical Society*. 1969. V. 113. № 6. P. 437.
45. Collinder B. Fenno-Ugric Vocabulary. An etymological dictionary of the Uralic languages. Stockholm, 1955.
46. Joki A.J. Uralier und Indogermanen. Helsinki, 1973.
47. Гиндин Л.А. Некоторые ареальные характеристики хеттского. II (К балкано-хетто-лувийским изоглоссам в преданатолийский период) // *Этимология*. 1972. М., 1974.
48. Абаев В.И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // *Древний Восток и античный мир*. М., 1972.
49. Гиндин Л.А. Ahhijawā и гомеровская эпическая традиция // *Linguistique balkanique*. 1990. XXXIII. 3—4.
50. Гиндин Л.А. Троянская война и Аххиява хеттских клинописных текстов // *ВДИ*. 1991. № 3.
51. Kretschmer P. Varuna und die Urgeschichte der Inder // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. 1933. XXXIII. 1—2.
52. Kretschmer P. Zum Ursprung des Gottes Indra // *Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien. Phil.-hist. Klasse*. 1927. № VII.
53. Kretschmer P. Weiteres zur Urgeschichte der Inder // *KZ*. 1928. 55.
54. Eilers W., Mayrhofer M. Namenkundliche Zeignisse der indischen Wanderung? Eine Nachprüfung // *Die Sprache*. 1960. VI. 2.
55. Трубачев О.Н. О синдах и их языке // *ВЯ*. 1976. № 4.
56. Трубачев О.Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // *Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов: Докл. сов. делегации*. М., 1978.
57. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. I—II. Тбилиси, 1984.
58. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Миграции племен — носителей индоевропейских диалектов — с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // *ВДИ*. 1981. № 2.
59. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // *ВДИ*. 1980. № 3.
60. Renfrew C. Archaeology and language. The puzzle of Indo-European origins. L., 1987.
61. Бирнбаум Х. Славянская прародина: новые гипотезы (с заметками по поводу происхождения индоевропейцев) // *ВЯ*. 1988. № 6.
62. Ольдерогге Д.А. Язык как исторический источник // *Эпиграфия. Избранные статьи*. М., 1983.
63. Трубецкой Н.С. Мысли об индоевропейской проблеме // *ВЯ*. 1958. № 1.
64. Forrer E. Neue Probleme zur Ursprung der indogermanischen Sprachen // *Mannus*. 1934. 26.
65. Uhlenbeck C.C. The Indogermanic mother language and mother tribes complex // *American anthropologist*. 1937. 39. № 3.
66. Горнунг Б.В. К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности (Протоиндоевропейские компоненты или иноязычные субстраты). М., 1964.
67. Pisani V. Studi sulla preistoria delle lingue indoeuropee // *Memoria dell' Reale Accademia Nazionale dei Lincei*. 1933. Ser. VI. V. IV. Fasc. VI.
68. Pisani V. Linguistica generale e indoeuropea. VII: Paleontologia linguistica. Torino, 1946. P. 141—179.
69. Пизани В. Общее и индоевропейское языкознание // *Общее и индоевропейское языкознание*. М., 1956.
70. Пизани В. К индоевропейской проблеме // *ВЯ*. 1966. № 4.
71. Kretschmer P. Die vorgriechischen Sprach- und Volksschichten. II // *Glotta*. 1943. 30.
72. Kretschmer P. Die protoindogermanische Schicht // *Glotta*. 1925. 14. S. 32.
73. Sturtevant E.H. The Indo-Hittite laryngeals. Baltimore, 1942.
74. Sturtevant E.H. The pronoun *so, *sa, *tod and the Indo-Hittite hypothesis // *Language*. 1939. V. 15.